

**ЧАСТИ РЕЧИ в современном русском языке:
ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Об авторе: Нуха Ати Халев / Ассистент преподаватель
кафедры русского языка и литературы, Багдадского
университета, факультета языков.*

Email: Noha@gmail.com

В статье раскрыта проблема понятийно-терминологического в выражения общепринятого понятия частей речи и поднят вопрос уместности/неуместности части речевого статуса отдельных из них в грамматической структуре русского языка. Проанализированы взгляды ученых, сторонников традиционного языкознания, и сторонников новой функционально-категориальной грамматики в современном языкознании. Репрезентируется динамика терминов на обозначение отдельных частей речи, начиная от их фиксации в наиболее древних славянских грамматиках и в грамматиках следующих периодов, в которых происходила активная выработка собственно морфологической системы. Прослежено формирование понятийно-терминологической системы частей речи от древнего периода в развитии грамматической мысли до сегодняшнего дня, а также представлены изменения, произошедшие в ее понятийно-терминологическом характере, репрезентированы каковы перспективы дальнейшего изучения этой проблемы.

Ключевые слова: части речи, понятия частей речи, понятийно-терминологический аспект, понятие частей речи, части речевого статус, грамматика русского языка, морфологическая система языка.

Постановка проблемы. Любая наука, в том числе и лингвистическая, является упорядоченной системой знаний о ней, и в ее описании ученые выделяют два важнейших компонента: состав понятий, обозначаемых соответствующими терминами, которыми она оперирует, и логическую структуру, особенностью которой является установление четких обоюдных языковых связей и характера взаимоотношений между понятиями [19, с. 11].

В составе общелингвистических понятий и терминов для их обозначения условно можно выделить три группы. Прежде всего это апробированное научной практикой использования достояние языковедов далекого прошлого. На фоне этого сосредоточия отчетливо проступает группа понятий и терминов, заимствованных из научных источников зарубежной

лингвистической литературы, в том числе и русской (чаще через ее посредничество). Однако едва ли не самым многочисленным по количеству икачественному проявлению является авторские, или так называемые «концептуальные», группы. Именно они играют важную роль в развитии и распространении продуктивных теоретических идей, выступая в качестве как орудия закрепления полученного знания, так и орудия научного открытия.

Отметим, что создание закрепление терминологических единиц в научной практикенаходится в органической связи с функционированием развитием языка в целом, а термин является важным компонентом лексической системы языка как один из ее уровней [6, с. 312]. Прежде всего это связано с природой термина, который представляет собойспециальное либо общеупотребительное слово, находящееся в некоем значении (существительное, прилагательное, причастие) или словосочетание, для которого характерна подчинительная связь компонентов, актуализированная в профессиональной среде.

Таким образом, появление термина в той или иной сфере человеческой деятельности является завершающим этапом в осмыслении изучаемых объектов действительности, обобщенной, наиболее сконденсированной дефиницией узнаваемых явлений [2, с. 39]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, процесс познания действительности бесконечный, а значит, представленное научным термином научное понятие является относительной истиной [11, с. 60]. Последнее связано с тем, что сполучением новых знаний ученые создают и новые языковые формы для их выражения или заимствуют их из других языков, в которых они приобрели кодифицированный характер [5, с. 8]. В этом контексте важно проследить, какие терминологические единицыиспользовали ученые для обозначения отдельных лексико-грамматических классов слов (частей речи), а также отследить наблюдаемые изменения не только в плане их терминологического выражения, но и в плане их понятийности, что обусловлено различными подходами ученых к анализу системы морфологических единиц высокого ранга.

Анализ последних исследований и публикаций. Части речи как основные единицы морфологического уровня языка в понятийно-терминологическом аспекте с учетом различных научных подходов к их изучению не были объектом специальных научных исследований, что определяет

актуальность предлагаемого исследования. Вместе с тем следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с выработкой в языковедческой практике терминов для обозначения частей речи попутно освещались в трудах Т. Абрамова [1], К. Авербух [2], О. Ахмановой [3], В. Бабайцевой [4], С. Бархударова [5], В. Виноградова [7; 8; 9],

Г. Винокура [10], В. Захарчина, И. Кочана, И. Кучеренка [19], Г. Мацюка, А. Медведя, Н. Москаленко, Ю. Скребнева [22], С. Смаль-

Стоцкого [23], Т. Панько, В. Хохлачева [24], Л. Чесновокой [4] и других, однако без внимания исследователей оставался анализ понятийной динамики указанных терминологических единиц.

Цель исследования – проследить, как формировалась терминологическая система частей речи от древнейшего периода в развитии грамматической мысли до сегодняшнего дня, какие изменения произошли в ее понятийно-терминологическом характере, каковы перспективы дальнейшего ее изучения.

Изложение основного материала. Начало формирования морфологии как одного из разделов описательной грамматики связывают с появлением в недрах античной науки о языке первых грамматик и словарей, в которых впервые была сформулирована сущность основных ее понятий и введены сроки для их обозначения, в частности, были заложены основы традиционного деления слов на части речи с присущими им грамматическими категориями.

Древняя традиция осмысления научных понятий морфологии и обозначения их соответствующими сроками в языкознании связывают с именами авторов первых славянских грамматик XVI-XVII в. – Л. Зизания, М. Смотрицкого, И. Ужевича. Отметим, что хотя деятельность грамматистов древней эпохи была направлена прежде всего на кодификацию церковнославянского языка, однако в ее правила распространялись и на письменную речь в целом, в том числе живую и родную [22, с. 13]. Закрепив на славянской языковой почве произведенную в античных грамматиках терминологию, средневековые грамматисты творчески использовали ее и создали огромное количество новых терминов, учитывая специфику родного им языка, что особенно отчетливо прослеживается в иллюстрациях к изложенным теоретическим положениям.

Рассмотрение частей речи в понятийно-терминологическом аспекте актуально по причине того, что в русском языкознании оно не было исследовано глубоко, при том, что существующие

исследования отличаются некоей непоследовательностью анализа объекта [15, с. 22]. Последнее можно проиллюстрировать посредством того, что само понятие части речи дифференцировано восемью терминологическими номинациями (формальный класс слов, грамматическая категория, морфологизированный член предложения, грамматико-семантическая категория слов, лексический класс слов, грамматический класс слов, лексико-грамматический разряд слов, парадигматический класс слов) [7–9; 21]. Любопытно, что также неопределенной является часть речи, обозначающая категорию состояния: слово категории состояния, безлично-предикативное слово, бессубъектное прилагательное, предикативное слово, предикатив, предикативное наречие, бессубъектное прилагательное и так далее.

Таким образом, корни понятия «часть речи» и терминов для обозначения отдельных классов слов необходимо искать в наиболее древнем грамматическом труде – трактате «О осьмихъ частехъ слова», – датированным не ранее XV в., который справедливо необходимо рассматривать в контексте русского языкознания. В этом трактате неизвестный славянский грамматист не слепо калькировал греческие термины, но переводил их, согласно актуальному на то время пониманию классов слов, давая соответствующие наиболее абстрактные славянские соответствия греческих терминов. Так, в древних славянских грамматиках XVI-XVII вв. для обозначения понятия часть речи были внедрены термины часть слова та виды слова [12; 13]. В современных исследованиях для обозначения понятия части речи используют уже упоминаемые нами выше термины: лексико-грамматические классы слов, грамматико-семантические категории слов, грамматические классы слов, парадигматические классы слов, формальные классы слов и иные [3, с. 511].

Обозначим при этом, что объем понятия *части речи* в различных научных концепциях трактуют по-разному, однако имя существительное стабильно представлено в качестве базовой основы для актуализированной частиречевой структуры [1; 4; 14]. При этом имя прилагательное с его значением в терминологическом поле может позиционироваться в качестве самостоятельного термина, не смотря на формальное грамматическое подчинение имени существительному. Так, имя прилагательное, по своей сути, потенциально является автономным ядром смысла составного термина (примером тому могут быть глагольные слова, лексикографические слова).

В этом контексте логичным представляется вернуться к термину «части речи», обозначающему лексико-грамматические классы слов, вычленяемых на основе общности синтаксических, морфологических и семантических признаков [7; 10; 24]. При этом в них наиболее частотным признаком определяют именно морфологический, поскольку (имя ли это существительное либо прилагательное) каждая часть речи может быть охарактеризована посредством системы (морфологических) категорий, которые охватывают все слова этой части речи либо ядро этих слов [20, с. 578].

При этом логично было бы квалифицировать части речи в качестве наиболее *общих семантико-грамматических классов слов*, характеризующихся следующими четырьмя признаками: а) обобщенным (категориальным) грамматическим значением, абстрагированным от конкретных лексических значений слов; б) структурой грамматических категорий; в) системой форм словоизменения либо ее отсутствием; г) подобностью синтаксических функций [16; 18]. На наш взгляд, такая квалификация частей речи наиболее полно отражает сущность самого понятия часть речи. Это связано с тем, что в системе вычленяемых по традиции частей речи от периода создания первых славянских грамматик происходит их деление по морфологическим признакам на *склоняемые* (изменяемые) или *несклоняемые* (неизменные). Подобное разделение в традиционном языкознании сохранилось и до наших дней, однако в новейших грамматиках этой дифференциации мы не наблюдаем.

Внимание исследователей к семантико-функциональному анализу слова во второй половине XIX в. положило начало выделению в составе частей речи двух категорий слов – *лексических* (то есть полнозначных) и *формально-грамматических* (то есть неполнозначных). Касаясь последних в традиционных грамматиках используют термины *служебные слова* или *служебные части речи* в противовес используемым касательно полнозначных слов терминам самостоятельные слов, или самостоятельным частям речи. Известен также иной термин, закрепленный за ними, – *частицы речи* [7, с. 211], который является составляющим системы В. Виноградова, группирующего все слова в четыре категории: *части речи, частицы речи, модальные слова и междометия* [7, с. 41]. Как правило, к частицам языка ученые относили предлог, союзы, собственно-частицы. Что касается *междометий*, то по всем известным классификациям считается, что они пребывают вне частей речи [7, с. 394] или же имеют в их составе особый статус.

Закономерно, что с развитием грамматической мысли в России эта традиционная схема распределения слов по признакам частей речи испытала изменения, в результате чего количество частей речи то увеличивалось, то уменьшалось. Так, в современном русском языкознании существует традиция вычленения десяти частей речи, в частности: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие. Любопытна в этом свете мысль И. Кучеренко [19, с. 145, 268, 431, 438], который отказался от противопоставления полнозначных и неполнозначных частей речи, считая их все полнозначными, поскольку, по мнению ученого, все они в своем реальном значении обобщенно отражают факты материального мира, включая сюда и психическую деятельность человека.

В этом смысле довольно показательными мы считаем частеречевые термины-синонимы, дифференцируемые по своему происхождению: *иностранный типа* (образованы от иноязычных основ, потенциально соотносимые с ними (интернациональными) терминами) и *исконные* термины, то есть те, которые могли быть заимствованы либо же русские, однако вошедшие в обиход настолько, что больше не содержат лагун или инокультурных реалий [17; 18]. Как правило такие термины могут группироваться в пары, в которой одному синониму с заимствованием соответствует череда исконно русских и обратный вариант (к примеру, *разделительный* – *дифференциальный* – *дистрибутивный* и тому подобное). Любопытно, что такие синонимы не обязательно близки в своих значениях, как это может быть у вариантов, сущность которых в неких модификациях термина.

При этом, с позиции языковой полисистемы, вариативность не является настолько деструктивной как синонимия для таких свойств терминологической системы как системность, целостность. Синонимичность, в свою очередь представляется тотальным явлением языковой полисистемы, проявляющимся на всех ее уровнях посредством появления фонематических вариантов. Интересно, что фонематическими вариантами в этом контексте являются и сложные термины местоимение-существительное – существительное-местоимение и другие. В этом случае вариативность достигается различной очередью следования производящих основ. Отметим, что грамматическая вариантность в частиречевой терминологии репрезентируется посредством синтаксических вариантов, в частности:

1. *Эллиптическими вариантами имен прилагательных – прилагательных, имен существительных – существительных, имен числительных – числительных.* Последнее происходит вследствие субстантивации прилагательного (при выпадении существительного), что приводит к тому, что они стратифицируются, становясь разложимыми, придавая своим компонентом самостоятельность.

2. *Синтаксическими вариантами,* бытование которых происходит в связи с порядком следования составляющих составных терминов в предложении: порядковых числительных – числительных порядковых, собирательных числительных – числительных собирательных и так далее.

В связи с этим И. Кучеренко [19, с. 145, 268, 431, 438] выделил семь частей речи – имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, частица, союз – и доказал необоснованность вычленения предлогов как отдельной части речи; касательно последних он использовал термин *предложные слова* и рассматривал в составе предлоги обобщенного значения. Кстати, объединение в одной части речи наречий и предлогов, по-нашему мнению, является едва ли не слабым местом в классификации частей речи, предложенной ученым.

Касательно предлогов в соединении с полными словами и наречий, структуру которых составляют предложно-падежные застывшие формы имен существительных, в научной литературе приобрел распространение термин *предложные эквиваленты слова*, а в соединении предлогами с другими классами служебных слов и междометий – термин *эквиваленты слова с неопределенным частиречевым статусом*. Любопытно, что для терминообразования активными и продуктивными являются способы наименования (номинации) в процессе которых происходит пополнение лексического запаса современного общелитературного языка: в частности, речь идет о *семантическом* и *синтаксическом* (включая лексико- и морфолого-синтаксические разновидности), а также морфологическом (в целом, говорим о словосложении).

Вышеизложенное репрезентирует тезис о том, что терминологическое словообразование базируется на деривационной системе русского литературного языка. При этом необходимо учесть, что взятые за основу наличествующие в языке способы и модели словообразования, язык науки адаптирует через собственную деривационную подсистему. Последняя подчиняется базовым требованиям и функциям

терминологической лексики, динамично воспроизводя различные терминологические единицы).

Отметим, местоимения с их обобщенно-указательной семантикой также не выделяются И. Кучеренко [19, с. 145, 268] в отдельную часть речи, рассматриваясь в составе имен существительных, имен прилагательных, имен числительных и наречий. Ученый также обращает внимание на одну из групп слов, имеющих выразительный грамматический признак имени прилагательного (окончания *-ый, -ий*) и в традиционном языкознании принадлежат к различным частям речи – именам числительным (*первый, десятый*), местоимениям (*всякий, каждый*), деепричастиям (*работающий, писанный*). Для их обозначения Кучеренко ввел термин *адъективные слова*. Что интересно, междометия ученый рассматривал в составе частиц [19, с. 268].

Таким образом, можно сделать вывод, что к функциям терминов-синонимов терминологической системе частей речи необходимо отнести такие: словообразовательная, номинативная, познавательная, уточнительная, стилистическая, что продуцирует *невозможность полного отказа от явления терминологической синонимии*. Само явление можно объяснить посредством того, что сфера понятий частей речи постоянно находится в динамике, что продуцирует параллелизацию создания ее терминосистемы, репрезентирующей абсолютно все процессы, которые происходят в научной сфере. Поэтому неудивительно, что даже понятие «система частей речи» имеет некую детерминацию, понятийную *флуктуативность* (колебания смысла понятия в научной парадигме). Это происходит вследствие отсутствия *социального контракта* (то есть договоренности) как о специфике классов слов этой речевой группы, так и о изначальных принципах вычленения последних. В свою очередь, эти факторы продуцируют приобретение этими терминами ряда недостатков, затрудняющих научное коммуницирование не только в академических, но учебных (вузовских) кругах.

Именно поэтому частиречевая терминология нуждается в выделении своего проблемного поля в отдельное ответвление, что приведет целенаправленной нормализации последней. Это включает в себя нормализацию: *деривационную* (корректность словообразования и актуализации в научном дискурсе терминов); *аксиологическую* и *онтологическую* (соотношение между формой термина и его номинацией); *прагматическую* (локализация понятийной уместности термина).

Такая работа гармонично должна перетечь в создание словаря, который в нормативной и толковой форме репрезентирует всю парадигму лингвистических терминов. При этом термины в таком издании должны быть представлены с позиции аксиологической значимости, дискурсивности и смысловой оправданности. Тем не менее, с другой стороны, подобное издание должно репрезентировать и иную сторону неких терминов, а именно: условный характер их бытования в научной парадигме, смысловую неясность, нечеткость, а также возможную противоречивость их функционирования в языке науки.

Вывод. Таким образом, начиная с 60-х годов, и особенно в 80-е – 90-е года XX в. и в начале XXI в., ученые все активнее совершают пересмотр традиционной системы частей речи, их количественного состава, уточняют дефиниции понятий морфологии и ее единиц, что закономерно повлияло на особенности терминотворческого процесса. При этом на последний наложило отпечаток стремление ученых не потерять национальную самобытность морфологических терминов, глубже осмыслить сущность понятий морфологии.

В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на понятийно-терминологическом выражении общепринятого понятия частей речи и подняли вопрос уместности/неуместности отдельным из них частиречевого статуса в грамматической структуре языке, проанализировав взгляды ученых, сторонников традиционного языкознания, и сторонников новой функционально-категориальной грамматики в современном языкознании. Касаясь терминов на обозначение отдельных частей речи, начиная от их фиксации в наиболее древних славянских грамматиках и в грамматиках следующих периодов, в которых происходила активная выработка собственно морфологической системы, то эти вопросы нуждаются в дополнительном исследовании.

Список использованной литературы

1. Абрамова Т. Д. Современные проблемы терминологии : Русский язык / Т. Д. Абрамова // Филологические этюды. – 2001. – Вып. 4. – С. 268–270.
2. Авербух К. Я. Терминологическая вариантность : теоретический и прикладной аспекты / К. Я. Авербух // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38–49.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Изд-во «Сов. энциклопедия», 1969. – 606 с.

4. Бабайцева В. В. Русский язык / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – Москва : Просвещение, 2003. – 256 с.
5. Бархударов С. Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии / С. Г. Бархударов // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – Москва : Наука, 1970. – С. 7–10.
6. Березин Ф. М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1979. – 416 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
8. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 559 с.
9. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 304 с.
10. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языковедению. – Москва, 1939. – С. 3–54.
11. Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний / Б. Н. Головин // Лексика. Терминология. Стили : Межвуз. науч. сб. – Вып. 2. ГГУ, 1973. – С. 57–65.
12. «Грамматика словенска» Л. Зизанія. – Вільно, 1596 // Зизаній Л. Грамматика словенська / [підгот. факс. вид. та дослідження пам'ятки В. В. Німчука]. – Київ : Наук. думка, 1980. – 190 с.
13. «Грамматіки славенскія правилоє сунтагма» М. Смотрицького. – Єв'є, 1619 // Смотрицький М. Грамматика / [підгот. факс. вид. та дослідження пам'ятки В. В. Німчука]. – Київ : Наук. думка, 1979. – 502 с.
14. Даниленко В. П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В. П. Даниленко // Современные проблемы русской терминологии. – Москва : Наука, 1986. – С. 5–23.
15. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации / В. М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. – Ленинград : Наука, 1968. – С. 7–32.
16. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – в 2 ч., ч. 2. – Москва : Просвещение, 1965. – 496 с.

17. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1992. – 221 с.
18. Казарина С. Г. Типологические исследования в терминологии / С. Г. Казарина // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 66–73.
19. Кучеренко И. К. Теоретические вопросы грамматики языка : Морфология / И. К. Кучеренко // Издание второе, уточненное и дополненное. – Винница : Подолье-2000. – 2003. – 463 с.
20. Лингвистический энциклопедический словарь // [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – Москва : Наука, 1990. – 684 с.
21. Петров В. В. Семантика научных терминов / В. В. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 127 с.
22. Скребнев Ю. М. Проблема частей речи и ее внутренняя противоречивость / Ю. М. Скребнев // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов : тезисы докладов. – Ленинград, 1965. – С. 12–15.
23. Смаль-Стоцький С. «Руска граматика» / С. Смаль-Стоцький і Т. Гартнер. – Львів, 1893. – 180 с. – 2-е вид. – Відень, 1913; 3-е вид. – Львів-Відень, 1914. – 200 с.
24. Хохлачева В. Н. К соотношению номинативных свойств существительных и образования терминов / В. Н. Хохлачева // Терминология и культура речи. – Москва : Наука, 1981. – С. 185–20

Asst. Inst. Noha Khalif Ati
University of Baghdad,
College of Languages,
Department of Russian Language
Email: Noha@gmail.com

The article reveals the problem of conceptual and terminological expression of the generally accepted concept of parts of speech and raises the question of the appropriateness / inappropriateness of the part-speech status of some of them in the grammatical structure of the Russian language. The views of scientists, supporters of traditional linguistics, and supporters of the new functional-categorical grammar in modern linguistics are analyzed. The dynamics of the terms for the designation of individual parts of speech is represented, starting from their fixation in the most ancient Slavic grammars and in the grammars of the following periods in which the active development of the actual morphological system took place. The formation of the conceptual and terminological system of parts of speech from the ancient period in the development of grammatical thought to the present day is traced, as well as the changes that have occurred in its conceptual and terminological

nature are presented, what are the prospects for further study of this problem.

Keywords: parts of speech, concepts of parts of speech, conceptual and terminological aspect, concept of parts of speech, parts of speech status, Russian grammar, morphological system of language.

اجزاء الكلام في اللغة الروسية المعاصرة: الجانب المفاهيمي والاصطلاحي

م م نهى عاتي خلف

كلية اللغات- قسم اللغة الروسية

Email: Noha@gmail.com

يتناول هذا البحث مشكلة التعبير المفاهيمي والمصطلحي لمفهوم أجزاء الكلام المقبولة عمومًا وتثير مسألة مدى ملاءمة / عدم ملاءمة وضع الخطاب الجزئي لبعضهم في البنية النحوية للغة الروسية. يتم تحليل وجهات نظر العلماء ومؤيدي اللسانيات التقليدية ، وأنصار القواعد الوظيفية الجديدة في علم اللغويات الحديثة. يتم تمثيل ديناميكيات مصطلحات تعيين أجزاء فردية من الكلام ، بدءًا من تثبيتها في القواعد النحوية السلافية القديمة وفي القواعد النحوية في الفترات التالية التي حدث فيها التطور النشط للنظام المورفولوجي الفعلي. يتم تتبع تشكيل النظام المفاهيمي والمصطلحات لأجزاء الكلام من الفترة القديمة في تطور الفكر النحوي إلى يومنا هذا ، وكذلك يتم عرض التغييرات التي حدثت في طبيعتها المفاهيمية والمصطلحات ، ما هي آفاق لمزيد من الدراسة لهذه المشكلة. الكلمات المفتاحية: أجزاء الكلام ، مفاهيم أجزاء الكلام ، الجانب المفاهيمي والمصطلحات ، مفهوم أجزاء الكلام ، أجزاء حالة الكلام ، قواعد اللغة الروسية ، النظام المورفولوجي للغة .